

Библиографический список

1. *Кочеткова А.* Современный российский человеческий потенциал: социокультурный подход / А. Кочеткова, Н. Захарова // Самара: Almatater. – 2006. – № 11. – С. 5–7.
2. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1985.
3. *Звоновский В.Б., Мацкевич М.Г.* Локализация ответственности как фактор социального поведения / В.Б. Звоновский, М.Г. Мацкевич // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 45–57.
4. *Соколова Е.Т., Николаева В.В.* Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995. – 360 с.
5. *Столяренко Л.Д.* Педагогическая психология: учебное пособие / Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – С. 478.
6. *Соммэр С. Д.* Мораль XXI века: Перевод с исп. / Д.С. Соммэр. – М.: София, 2004. – 528 с.
7. *Змановская Е.В.* Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие / Е.В. Змановская. – М., 2007.
8. *Помыткина Т.* Наркозависимость как психолого-педагогическая проблема/ Т. Помыткина // Высшее образование в России, – 2006. – № 11. – С. 172–174.
9. *Канке В.А.* Современная этика: учебник / В.А. Канке. – Москва, 2007.

Н.Е. Кричевцова
УГЛТУ, Екатеринбург

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ И ЕЁ КРИЗИС КАК ВЫРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЭПОХИ

Барды, поющие поэты – друзья, соратники, спутники, учителя, философы для тех, кто входил в сознательную жизнь в 60–80-е ХХ века, чья юность пришлась на «оттепель» и «застой», кто воспринимал мир, себя, своё окружение, смыслы происходящего через строки их песен. Для нынешних двадцатилетних – доисторическая экзотика, как пионеры или колхозники. При том, что проводятся бардовские фестивали в ряде городов, включая Екатеринбург, издаются книги и диски

классиков жанра, в Интернете можно скачать их песни в современном исполнении или тексты и аккорды. Есть глубокие поэты и интересные разнообразные музыканты, причём отнюдь не пожилого возраста. Не говоря уж о том, что и гитара и магнитофон (и кое что получше!) для записи, хранения, прослушивания, игры, сочинения доступны каждому. Всё есть, но спеша в компанию себе подобных, например поэтическое объединение «Бард-кухня» в библиотеке им. А.И. Герцена, чувствуешь себя мамонтёнком на льдине. «Наш пароходик уходит в светлое прошлое»..., в 2007 году мою статью о бардах не взяли в журнал «Наука, общество, человек», мотивируя тем, что объекта анализа уже не существует.

Однако те, кто вырос на песнях Б. Окуджавы, Ю. Визбора, В. Ланцберга, А. Городницкого, Ю. Кукина, А. Якушевой, Н. Матвеевой, А. Дольского, не привыкли «трубить отбой», и хотелось бы понять, почему мир не хочет «прогнуться под нас». Скорее всего, сами ценности, на которых замешано творчество бардов сейчас, мягко говоря, не востребованы.

Все барды, прошлые и ныне здравствующие, по своему мироощущению романтики. Дело здесь, конечно, не в стилистике поэзии и тем более музыки, а в той роли, какая отводится искусству, идеалу, духовности в их творчестве, и с высоты этого полёта рассматривается повседневная жизнь. Действительность может быть пошлой, глупой, уродливой, непонятной, страшной, но на то и искусство, чтобы не забывать о смыслах, значениях, сути бытия!

Социалистический романтизм, не только бардовский, но и творчество А. Гайдара, М. Светлова, В. Крапивина и др., был замешан на образе глобальной справедливости, соотносимой с самой сутью коммунистической идеи. Яркая образная формула такой позиции звучит в песне «Сентиментальный марш» Б. Окуджавы: «...Какое б новое сражение ни покачнуло шар земной, я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», и в «Трубачах» Н.Злотникова – В.Берковского: «Пусть всегда ваши трубы надо мною играют, пусть всегда ваши ветры обжигают лицо». Модель жизни, как служение идеалу, была стержнем духовности советского человека.

Если же рассматривать авторскую песню как явление контркультуры, опасное для властей и гонимое ими, поэзия бардов противилась фальши пропаганды, лицемерию апологетов системы, извращениям, порочащим идеал, который они понимали в духе гуманизма (ценность

личности), просвещения (т. е. рационально организованная социальная жизнь), универсальности (всечеловеческое братство).

В отличие от рока, позитивное начало здесь превалировало над криком отрицания. Так, в мировоззрении классика и основателя жанра Б.Окуджавы совершенно органично уживаются и процитированные комиссары, и то, что «Дураки обожают собираться в стаю, впереди главный во всей красе...», «арбатский эмигрант» и «арбатство, растворенное в крови», «веселый барабанщик» и «веселые солдаты», которых назначили интендантами, «портрет одной прекрасной дамы», у которой «глаза в иные дни обращены», и «комсомольская богиня»...

Творчество бардов 60–80-х отвечало потребности человека, поколения понять своё место и свою роль в происходящем, в нашем историческом пути, почувствовать ответственность за то, что есть и будет.

Современные авторы-исполнители не идеализируют советское прошлое, но остро ощущают генетическую связь социалистической духовности и дорогих для себя ценностей. Так, у К. Арбенина в песне «Пепел Клааса» советские люди, замученные примитивным бытом и оглушенные пропагандой, отнюдь не идеальны, но это те, кто сохранил вечные святыни для нынешних молодых: «Это было тогда, когда не было нас, это было тогда, когда не было их, это было, когда разгорался Клаас, и его едкий пепел сквозь память проник прямо в сердце...». В другой песне этого же автора советская Россия – «Моя Матёра, мой матёрый материк и Альма-матер всех утопленных утопий, мы все соавторы твоих блокадных книг, шахтеры в сумраке твоих подкожных копей». Наше время предстает у К. Арбенина, как разгул пошлости, лжи, примитива, а противостоять этому помогает сомнение (образ Фомы неверующего), которое сберегли предыдущие поколения, несмотря на по-своему суровую эпоху: «Беспределица-птица колотится в дверь, с права боку тюрьма, с лева боку – сума, но не верь ее при сказкам, сказкам не верь, с нами Бог и Фома, с нами Бог и Фома». Действительность социализма для поколения К. Арбенина – это не рапорты съездам, а «дворники с улицы имени Леннона, ... бородатое поколение рок-н-рольного честного города». А то, что представлялось тогда кому-то свободой, оказалось просто равнодушием к судьбам людей: «мне бы шарф до колен, мне бы шарм поколения, а не шанс околеть от измен» [1, с. 50]. Это голос человека, заставшего в юности советское общество, человека, который «нужные книги в детстве читал».

Те, кто вырос после, книг не читали вообще, они играли в «стрелялки», жевали жвачку, надувая пузыри, для них Микеланджело

и Донателло – это черепашки-ниндзя. А песни стали «ритмами», под которые можно плясать, а можно засыпать, но никому не придёт в голову вслушиваться в слова, потому что либо они на иностранных языках, либо такая бессмыслица и штампы, сорок раз повторяемые, что мозги отключают напрочь. Такие песни не поют, их невозможно петь ни в компании, ни поодиночке. Их не бренчат во дворе на гитаре, да и нет уже дворов ни в архитектурном понимании, ни в социальном. Давно не видно детских компаний, которые играли бы в прятки, в штандер, в сыщиков-разбойников, в классики... . Дети продвинутых родителей ходят на танцы, музыку, теннис, айки-до, а те, кто предоставлен сам себе, добывают деньги, как умеют, или «мочат компьютерных монстров». У них нет вопросов к жизни, они всё знают: любовь – это секс, счастье – это богатство, красота – это когда ноги от зубов растут. Песни о главном ни старые, ни новые им не нужны.

Принципиальное отличие авторской песни от «попсы», массовой культуры, всевозможных шоу, которыми нас сегодня пичкают и которые формируют эстетические потребности уже второго поколения, в том, что это не развлечение и потребление, а сотворчество (не просто слушать, а самим петь, играть, а нередко и сочинять «в духе», «в ответ», «по мотивам», «по образу и подобию» или просто по собственному вдохновению, разбуженному искусством, созвучным своей душе. Но именно творческое начало в человеке вытравливается обществом потребления: творческими, думающими людьми нельзя манипулировать.

Конечно, не только авторская песня хранит духовные ценности и воспитывает творческую личность, но востребованность сегодня тех сфер культуры, которые за эту функцию «отвечают», также оставляет желать лучшего.

Авторская песня, как ни парадоксально это звучит, была феноменом народной культуры, по содержанию чуждой официозу, раскованной, искренней, по форме существования – самостоятельной, свободной, ориентированной преимущественно на устную передачу, на общение близких по духу людей.

Парадокс и в том, что песни самых ярких, узнаваемых авторов нередко приживались среди студенчества, солдат, туристов, геологов, вахтовиков, стройотрядовцев как анонимные, «свои», чрезвычайно созвучные людям этого круга. Известно много примеров, как «уходили в народ» песни А. Городницкого («На материк», «Чистые пруды», «Марш подводников», «Песня полярных летчиков»), М. Анчарова («Стою на полустаночке»), Б. Окуджавы («Пиратская лирическая», «Веселый

барабанщик», «Из окон корочкой несет поджаристой»), А. Якушевой («Печора», «Ты мое дыхание»), а у некоторых чудесных песен авторы, к сожалению, так и забылись. Однако, если разобраться, что именно ценит народ в авторской песне, очевидно, что это как раз личностное, субъективное начало, внутренний мир человека как реальность, достойная увековечивания. Таким образом, явление бардов – показатель роста самосознания народа и меры личностного начала в его культуре. Соответственно тот печальный факт, что авторская песня в современном искусстве заглушена, как сорняками, развлекательным масс-культом, отражает снижение планки культурного уровня большинства населения по сравнению с советскими временами, чему способствует и несчастная замордованная школа, и ориентация в воспитании на активную, напористую, далёкую от сантиментов и романтизма личность, ориентированную прежде всего на материальные блага, берущую от жизни всё (а порой и у своих близких!). И нет уже того народа, для которого, о котором пели барды, хотя есть ещё ностальгия по нему у старшего поколения. Оно и есть главный носитель, хранитель, творец и пропагандист авторской песни. Конечно, и молодёжь ходит на концерты и даже поёт песни Е. Бушуевой, Т. Шаова, О. Медведева, К. Комарова, К. Арбенина, но, как говорится, «узок круг этих миссионеров». Авторская песня из явления городской народной культуры стала культурой элитарной, она для тех, у кого осталась потребность в настоящей поэзии и способность понимать тексты образные, не адаптированные к нечитающей публике, балдеющей от модных ритмов.

Жанр авторской песни изначально замешан на жгучем желании выражения своей индивидуальности с прицелом на отклик, «поиск своих», на компанию, которой так же дорог общий «большой секрет». Такого рода общение также вытесняется из нашей жизни. В скайпе песен не поют, на форумах обсуждают другие проблемы.

Бардовская поэзия, распространенная среди людей с душой высокого напряжения, была не только отражением их бытия, но и учителем жизни, образцом романтического поведения, вела от идеала к реальности, что роднит ее с романтизмом начала XIX века, когда «сама действительность спешила подражать литературе» [2, с. 344]. В общении с бардами на концертах, фестивалях, телепередачах часто всплывает тема воспоминаний слушателей о том, как в экстремальной ситуации – перед выходом в открытый космос, на штурм горной вершины, из палатки в проливной дождь, на ночной аврал на целине и т. п. – они пели какую-нибудь любимую мобилизующую песню и преодолевали страх,

холод, усталость. Строчки типа: «ведь наши “памирки” стоят на Памире, а мы чуть повыше, чем эти вершины», или «никто не гибнет зря, так лучше, чем от водки и от простуд», или «Бог не открыл во мне гребца, но выгребая на стремнину, я не умею вполовину, я буду драться до конца», или «Пьем за яростных, за непокорных, за презревших грошевой уют» – приглашают в одну команду с этими лихими ребятами, возвышают над самими собой, дают силу, гордость и смелость, в общем, «строить и жить помогают». Оба эти слова и «строить» и «жить» сегодня имеют в обиходе совсем иное звучание.

Где и как происходило в своё время знакомство с авторской песней? В походе, в горах, на сплаве (её подчас и отождествляли с туристской песней, а фестивали устраивали традиционно на природе), в студенческом общежитии, в геологической партии, в стройотряде. Общие песни давали ощущение единства, братства, причастности к одним смыслам.

И смыслы были такими, что счастье достигается усилиями, преодолением, что нужно тащить себя за волосы из болота быта, стереотипов, себялюбия, лени («интеллигентный человек просто обязан время от времени это делать!»). Главное – быть, а не иметь, учили поэты даже в интимной лирике: «Не бывает счастливой любви, но печали любви выше счастья» (А. Дольский), «И если ты уходил к другой или просто был не известно где, мне было довольно того, что твой плащ висел на гвозде» (Н. Матвеева), «Жизнь, она длиннее, чем осень, жизнь – она не только для нас» (Е. Бушуева), «Разрываю я твои объятья: наши сыновья, увы, не братья» (О. Качанова)... . Тем, кто воспитан на мыльных сериалах, этого, в принципе, не понять.

Авторская песня создала тип последних советских романтиков, она была своеобразной игрой, которую выбирали сами, в неё принимали своих, такая сфера свободы, переживаемой как творчество, – своей судьбы, своей роли, стихов, музыки, стиля общения, создание правильных и достойных человеческих отношений.

Игровой аспект творчества позволял ощутить далекие параллели, увидеть сущностное родство разных эпох, характеров, судеб. Примеривая на себя роль «солдата Киплинга», Пьеро, красноармейца, пирата, путешественника, ребенка, пса, птицы – изнутри этих непохожих на твою жизнь моделей, – лучше видишь глубинные смыслы бытия.

Бардовская песня – это всегда доверительный разговор близких людей, в котором «высокопарных слов не стоит опасаться», поскольку разговор этот идёт о самом важном, святом и вечном, и о себе не-

повторимом. И всё это так непросто и неоднозначно, трудноуловимо, зыбко и тонко, что нужен особый язык, язык образов, символов, паролей, по которым узнают своих. Произведения всех поколений бардов объединяет своеобразный язык, позволяющий держать доверительный и искренний, естественный и дружеский тон общения автора и слушателей. Важные компоненты этого языка – слова-пароли, взятые из романтического арсенала: гитара, дорога, корабль, кони-всадники, труба, свеча, дождь, поезд... . Они – ягоды одного смыслового поля и поэтому позволяют сделать тексты каждой конкретной песни более ёмкими и выразительными, ибо слова-символы рождают у слушателя пучок ассоциаций с песнями других авторов, и каждый такой элемент обрывает системным качеством, вписывает конкретику в традицию и побуждает вспомнить лично дорогие находки, «фишки», перлы у собратьев по жанру. Так «поезд» – это и кукинский знак вопроса: «Что-то не так?», и «На Тихорецкую состав отправится» с бойкой девчоночкой на перроне, и митяевский «перрон разлук», и медведевский машинист, и «Поезд последние версты мчит» – песня, которую так любили мы в студенческой юности, но не знали автора, уже народная и до кончиков строки бардовская. А звезда – для кого-то «упала на ладошку» А. Дольского, для кого-то «звездное кружево вместо венца» В. Вихорева, или «две холодных звезды голубых» Б. Окуджавы, или «Звездопад» В.Высоцкого, или благодаря барду А. Суханову ставшее романсом стихотворение И. Анненского «Среди миров»... . А всадники всех времен, собранные в один отряд опять же вечной романтикой, – гусары, кавалергарды, флигель-адъютанты, и красная конница, и белая гвардия – от светловской «Гренады» до крапивинских мальчишек – всегда рыцари без страха и упрека, которые существуют только в нашем сознании, как идеал мужества, благородства, души высокого полета. «Свеча» – это Пастернак, «Свеча горела на столе», давно прижившаяся среди бардовских романсов, «Не гаси меня свечу» В. Долиной, и «Месяц – серебряный шар со свечою внутри» Б. Окуджавы, и плачущие свечи С. Никитина, и «Любите при свечах» А. Вознесенского... . У каждого поклонника авторской песни такие свечки способны вдруг озарить сознание от одного ключевого слова.

Поскольку адресат современных бардов, участник диалога, иной, чем двадцать–тридцать лет назад, да и сами они люди, не чуждые новым веяниям, при всей верности традициям и законам жанра стилистика песен меняется. Рассмотрим в общих чертах основные тенденции развития авторской песни.

Во-первых, видимо, на волне возрастания роли музыки в жизни молодого поколения, музыкальный компонент у современных бардов приобретает больший вес, разнообразие, полихромность. Песня впитывает достижения разных музыкальных жанров – рока, джаза, фольклора, классики, восточной и латиноамериканской музыки (К. Арбенин, О. Медведев, С. Никитин, А. И Н. Патокины). Правда, данное явление наблюдалось у некоторых авторов и прежде, достаточно вспомнить блюзы и босса-новы А. Дольского или его же песни, перерастающие в процессе исполнения в выразительные музыкальные пьесы (например, «Часы»), или виртуозное сочетание в «Ленинградских акварелях» (пластинка 1983 года) музыкальных, поэтических и живописных образов, бесконечное отражение в воде вездесущих рек и каналов, эхо времен, графика белых ночей, красочные мазки нарядных дворцов и ярких судеб, акварельная прозрачность, созвучная щемящей мимолетности красоты вообще и нашей жизни в особенности.

Второй вектор эволюции касается стихов. Среди думающей молодежи – студентов, лицеистов, тех, кто с детства привык читать книжки, – весьма популярны интеллектуальные, причудливо-символические, концентрированные по смыслу и образам песни О. Медведева, К. Арбенина, К. Комарова, рожденные в среде высокой университетской культуры, засылающие ассоциации слушателя то в средневековую схоластику, то к ковбойским вестернам, то в Серебряный век, то в греческую или германскую мифологию, то к образам С. Кинга. Явление родилось на границе жанров, и если самоидентификация О. Медведева лежит все же в сфере бардовской песни, то «Зимовье зверей» молодое поколение считает роком, люди более искушенные нередко используют термин «бард-рок», а сами авторы настаивают на неточности и условности такого лейбла, своей замены, однако, не предлагая. По поэтической глубине, обилию подтекста и упованию на эрудицию и вдумчивость слушателя эта группа рождает у бардов желание произнести заветную формулу: «Мы с тобой одной крови, ты и я». Вообще настоящие глубокие стихи, на которых и замешана авторская песня, чураются крика, барабанов и электронных «примочек» рока, рассчитанных на подкормку и отключающих интеллект.

Особенность современной авторской песни усматривается нами в том, что она служит как бы материнской платой для сравнительно новых явлений культуры и жизни, например, движение ролевиков с их специфическим самодеятельным репертуаром, имеющим весьма определенные «гены-хромосомы» бардовского стиля. Сама идея путе-

шествовать во временах не только мысленно, но с помощью театрализованной импровизации и глобального погружения, выражение внутреннего мира исторического героя от первого лица весьма созвучны свободе, любопытству и историческому мышлению таких авторов, как А. Городницкий, Ю. Ким, Ю. Ряшенцев, В. Крапивин, Н. Путина. Некоторые темы бардовского творчества вообще выражались традиционно и преимущественно в историко-романтических образах, скажем, мотив внутренней свободы, невописанности в систему, протеста отливается в пиратскую тематику. Ю. Визбор даже говорил, что у каждого уважающего себя барда есть хоть одна пиратская песня. А что касается А. Городницкого, то он сам старый пират! Символично, что истоком и предтечей бардовской песни была «Бригантина» П. Когана, предлагающая тост «За яростных и непокорных, за презревших грошевой уют» джентльменов удачи.

Но в исторических реалиях «грошевой уют» вытесняет романтику. И гордость, и горечь, и понимание уникальности и неотвратимости ухода своего поколения звучат в песнях Ю. Визбора «В Аркашиной квартире», «Волейбол на Сретенке», А. Городницкого «Час быка», «Спасибо, что петть разрешили», А. Иващенко – Г. Васильева «Дети тишины», О. Медведева «Идиотский марш». Сурова романтика неприятных обстоятельств, при которых не нужны прежние ценности, рынок господствует не только в экономике, он поглощает культуру, нравственность, бескорыстное служение... «И до последнего солдата идиотский твой полк стоял в заслоне и остался в снегу. И о медалях – орденах ты помышлять не моги, всего награда – это знать наперёд, что поутру споткнётся кто-то о твои сапоги, и идиотский твой штандарт подберёт» (Олег Медведев «Идиотский марш»).

В поэзии бардов аккумулируется острота ощущений, напряженный поиск себя, свойственный юности, и мудрость, самоирония зрелости. Все это сливается в одно жгучее ощущение неповторимости и бездонной ценности каждого момента жизни, как в «Божественной субботе» Б.Окуджавы. Потребность почувствовать, запомнить, хранить поближе к сердцу такие моменты истины, опереться на них, когда нужно, но сложно выжить, и сохранить не смотря ни на что свое заветное. Особая мечта – передать это детям. Иногда кому-то это удаётся. Как? Это «большой секрет для маленькой компании». Иногда очень маленькой.

Повторюсь, авторская песня стала элитарной культурой, в том смысле, что ценности, хранимые ею, необходимы для выживания общества, сохранения его самости, соотнесения действительности

с вечными истинами, гуманистическими идеалами, напоминания человеку о его высоком предназначении, но носителями этой культуры являются единицы, которые взялись за руки, «чтоб не пропасть поодиночке». Такая принципиально антипрагматическая ориентация – истинная черта российского менталитета. Сегодня она исчезает на глазах, как это ни грустно. И те, кто пытаются не дать ей (и нам!) окончательно пропасть, поддавшись на искушения гедонизма и примитивизма, хранят огонь классического искусства, фундаментальной науки, гуманной педагогики, книжной культуры и авторской песни.

Библиографический список

1. *Арбенин К.Ю.* Стихи / К.Ю. Арбенин. – СПб.: Планета музыки, 2007.
2. *Романтизм.* Истоки, метафизика, эволюция. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
3. *Лотман Ю.* Беседы о русской культуре / Ю. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1994.

Р.У. Богданова
СОШ № 58, Бишкек, Киргизская республика

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ: К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ

Государственные нормативно-правовые документы в сфере российского образования указывают на необходимость нравственного воспитания. «Национальная доктрина образования» ставит перед учебными заведениями задачу воспитания патриотов России, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности и обладающих высокой нравственностью [1, с. 123–127]. В «Программе развития системы непрерывного педагогического образования в России на 2001–2010 годы» определены общие цели непрерывного образования студентов, одной из которых является воспитание нравственного человека [2]. Одной из главных целей в области воспитания личности учащейся молодежи ФГОС ВПО признается приверженность этическим ценностям, укрепление нравственности личности.